

## ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЛОГИКА СЕТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ОСНОВНЫХ ОЧЕРТАНИЙ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ

### INSTRUMENTAL LOGIC OF THE NETWORK AS A DETERMINANT OF THE BASIC OUTLINES OF URBAN COMMUNITIES

У статті розглядається відмінність міст на глобальному рівні. Показано, що глобалізація і глокалізація є домінуючими силами, які не тільки конфігурують сучасний соціально-просторовий порядок у світі, але і змінюють місто. Місто стає стратегічною ділянкою, де ці макротенденції і нова просторова логіка здійснилися. Влада розглядається в історико-філософському контексті як джерело впливу і як головний ресурс цих змін. З позицій соціальної філософії доводиться, що місто не є незалежною одиницею, воно розвивається під впливом загальних змін у світосистемі; включеність або виключеність міста з глобальної мережі міст зумовлює можливості та рівні його розвитку. Розкривається, що нині тільки обмежена кількість міст набуває транснаціонального характеру й отримує капіталовкладення. У статті зазначено вплив мережі на стан життєвого простору міста, в загальних контурах йдеться про два контрастуючі діагнози майбутнього міст.

Життєвий простір центральних міст, який має доступ до ресурсів мережі, стає джерелом соціальної активності і процвітання, створюючи умови для розвитку різних інфраструктур, людських і культурних ресурсів. А периферійні міста, відлучені від мережі, відкидаються у бік виживання. Розпізнавальні знаки таких полярних відносин з усією очевидністю проглядаються на прикладі українських міст: низький рівень життя мас, спрямованість життєвої енергії городян на вирішення завдання виживання, безробіття, загрозливі розміри імміграції в міста Європи. Показано, що життєвий простір міста підпорядкований, по-перше, інструментальній логіці мережі, по-друге, міське життя конфігурується у вимірах глобальної економіки, культури і нових технологій.

**Ключові слова:** місто, глобалізація, влада, вимірювання простору, теорія мереж, «пояс міст».

The article deals with the difference between cities at the global level. Globalization and glocalization are the dominant forces, not only configuring the modern socio-spatial order in the world, but also changing the city. The city is becoming a strategic site where these macro trends and new spatial logic have come true. Power is considered in the historical and philosophical context as a source of influence and as the main resource of these changes. From the standpoint of social philosophy, it is proved that cities are not an independent unit, they develop under the influence of general changes in the world system, the inclusion or exclusion of a city from the global network of cities determines the possibilities and levels of its development. It is revealed that today only a limited number of cities are transnational in nature, and they receive investment. The article outlines the influence of the network on the state of the city's living space; the general contours speak of two contrasting diagnoses of the future cities.

The living space of the central cities, admitted to the network resources, becomes a source of social activity and prosperity, creating conditions for the development of various infrastructures, human and cultural resources. And peripheral cities that are disconnected from the network are thrown to the side of survival. The signs of such polar relations are clearly seen on the example of Ukrainian cities: the low standard of living of the masses, the orientation of the vital energy of the townspeople to solving the problem of survival, unemployment, and the threatening dimensions of immigration to European cities.

The living space of the city is subject, firstly, to the instrumental logic of the network, and secondly, urban life is configured in the dimensions of the global economy, culture and new technologies.

**Key words:** city, globalization, power, space measurements, network theory, "belt of cities".

УДК 316.334.56  
DOI <https://doi.org/10.32843/2663-5208.2019.10.16>

**Радионова Л.А.**

к.филос.н., доцент,  
доцент кафедры философии  
и политологии  
Харьковский национальный  
университет городского хозяйства  
имени А.Н. Бекегова

**Актуальность работы.** В условиях современного этапа глобализации город является тем центром, вокруг которого разворачивается пространство цивилизации. Его особая цивилизаторская функция проявляется в выработке новых идей, механизмов развития в целом. В качестве фактора развития общества город, как правило, становится центром, стягивающим вокруг себя социальное пространство. На него направлены материальные и социальные ресурсы региона, от него исходят каналы цивилизационного влияния, это позволяет говорить об особой властной природе города, его роли как субъекта властных отношений.

**Постановка проблемы.** Города не являются независимой единицей, они развиваются под воздействием общих изменений в миросистеме, включенность или исключенность города из глобальной сети городов обуславливает возможности и уровни его развития.

**Анализ публикаций.** Среди исследователей проблемы города следует отметить В. Глазычева, П. Щедровицкого, Ш. Мигер, Р. МакКеона, Л. Вэйла, К. Линча, Г. Бриджа, П. Бурдые, А. Лефевра, М. де Серто. Актуализацией места человека в городе занимались П. Вайль и Ж. Бодрийяр. Проблема поиска

человеком смысла и цели существования в современном городе и шире – в современном мире представлена такими исследователями, как Ю. Хабермас, Ф. Фукуяма, Д. Белл, Э. Тоффлер, П. Бергер, Н. Лукман.

**Изложение основного материала исследования.** Город – ступень становления человеческой культуры, он часто оказывается контекстом для разворачивающегося в рамках него действия. Современный город отличается от городов прошлого смысловым наполнением. Глобализация, телекоммуникационные связи, межнациональная и трансллокалистская динамика, поликультурализм являются доминирующими силами, конфигурирующими современный социально-пространственный порядок в мире. Их значение для города и города для них очевидно: город становится стратегическим участком, где эти макротенденции и новая пространственная логика осуществились. Мировая сеть городов предстает выражением локальной динамики и результатом бесконечной конкуренции городов. Власть в качестве источника влияния является одним из главных ресурсов этой глобальной географии. Функция власти может быть репрессивной или стимулирующей, однако доминантное значение ее в любом случае не убывает, сохраняется.

В связи с этим возникает ряд вопросов: что будет с городом, не включенным в это измерение власти? Представляется, что плодотворным в осмыслении этой проблемы будет методологическое положение, высказанное М. Кастельсом: для того чтобы понять города, надо осознать процессы, управляющие созданием и изменением пространственных форм.

Силы, определяющие сегодня характер существования городов, во всё большей степени становятся глобализованными. Поэтому вектор нашего внимания будет направлен на пространственную специфику глобально-сетевого механизма властвования. Данная методическая установка позволит очертить новые теоретические горизонты исследования жизненного пространства города. Предметом анализа становится связка «город – глобализованная урбосреда» – их взаимодействие.

Города пребывают в постоянном воспроизводстве и реорганизации под воздействием разнообразных факторов и доминирующих сил, вызванных процессами исторических изменений. В рассмотрении данного тезиса резонно исходить из того, что каждая эпоха связана с новой пространственной организацией городского мира, которая является осуществлением и проявлением власти. М. Фуко убедительно было показано, что властные механизмы всегда имеют свою собственную историю, траекторию, технику и тактику,

которые «были и продолжают инвестироваться, колонизироваться, использоваться, расширяться и т. д. в более общих механизмах и формах глобальной доминации» [1, с. 73].

Как известно, начало городского мира сопровождалось укреплением власти во всех сферах человеческой жизни и увеличением ее значимости. М. Фуко исследует власть в онтологическом пространстве. Власть обладает физической телесностью, материальностью. Власть бытийно – универсальна. В этом контексте она совпадает с истиной. Такое понимание власти идёт в русле классической философии Парменида, Гегеля, мышление и бытие совпадают. Для власти изначально нужно знание для реализации своего содержания и функционирования в обществе. Безусловно, связка «власть–знание» в творчестве М. Фуко связана с миром идей Платона, где знания – доминанта власти в идеальном платоновском городе.

Города как своеобразные вместилища или «горнила власти» включаются во внутреннюю социальную деятельность, способствуют развитию многообразных связей и взаимосвязей, пересекающих социально-территориальные зоны, распространяя на них своё влияние. Процесс исчезновения городских стен символизировал укрепление высоко развитого типа административной системы, функционирующего в рамках чётко определённых территориальных границ. В конечном счёте, исторически сложилось так, что сила и могущество государственного порядка всегда концентрируются, главным образом, вокруг местоположения органов городской власти: храмов, дворцов, административных зданий.

Проблема власти была изначальной темой исследований города. Марксистская теория в целом сводила вопросы власти к результатам классового конфликта, где она выступала в качестве господства одного класса над другим. На этом уровне анализа класс являлся ключом к пониманию социальной стратификации. Чикагская школа видела власть в терминах взаимодействия, конкуренции и городского управления. Р. Парку принадлежит утверждение, что так называемые естественные или функциональные области городского сообщества (трущобы, районы доходных домов, центральные торговые ряды и центральный район банков) обязаны своим существованием непосредственно фактору господства, и опосредованно – конкуренций. Борьба производственных и коммерческих институтов за стратегическое местоположение определяет основные очертания городских сообществ, то есть профиль цен на землю определяет ценность городских пространств (по мере приближения к периферии стоимость ее снижается).

Феминистические исследования ввели новое измерение социального деления – гендер. В гендерных исследованиях власть отображалась в символической форме – различие между «мужским» городом и «женскими» предместьями, существующие между городами и сельскими зонами отношения симбиоза/антагонизма являют собой специфическую форму структурного противоречия. Это означает, согласно Э. Гидденсу, что города, представляя собой вместилища авторитарных ресурсов, устанавливая с сельской местностью отношения, порождающие структурные элементы государственного устройства. Вместе с тем достаточно много было исследований, связанных с этническими вопросами. Они, как правило, касались вопросов городской сегрегации. Однако в каждом подходе происхождение или объяснение феномена власти были различными. Классовый подход работал в структуре капиталистических отношений, этнический – на национальном и расовом уровне, гендерный – в системе патриархата. Кроме того, все основывались на бинарном соотношении, где один термин был привилегирован по отношению к другому, то есть один властвовал над другим.

В конце XX столетия в результате растущего мультикультурализма обозначалась тенденция объединения этих подходов для того, чтобы выявить разнообразные формы неравенства в городской среде: опыту власти придаются иные измерения: власть осмысливается в контексте телесности. В результате, меняется смысл города. Проанализированная М. Фуко схема власти, которая, согласно его мысли, сложилась в контексте эпистемы XVIII века или интеллектуальной проекции эпохи Просвещения, действует посредством дисциплинарных институтов, организующих людей на всех уровнях общественной структуры. Власть не подавляет, не цензурирует, не маскирует, но производит, сравнивает, различает, иерархически упорядочивает, исключает, приводит к однородности. Урбоантропологическое функционирование коренится в дисциплинарной технике, и нормализация становится принципом принуждения в конституировании стандартизированной городской жизни. В то же время, действуя в рамках системы формального равенства, власть индивидуализирует субъективность, поскольку позволяет измерять отклонения, определять различия, фиксировать особенности. Тела индивидуализируются «посредством локализации, которая обозначает не закрепление их на определенном месте, а их распределение и циркулирование в сети отношений» [2, с. 41–42].

Город М. Фуко лабиринтообразный, власть в нём можно назвать «клеточной», поскольку пространство прорабатывалось по принципу элементарной локализации, расчерчивания, распределения по клеткам. Власть в движении, в диффузной циркуляции. Отсюда берет начало современная «игра принуждений» тел и поведения, здесь положена основа для сдвига к различию [2]. В дисциплинарном пространстве власть контролирует общество через разные формы, осуществляя тем самым тотальный контроль. Такими формами являются конкуренция, тесты, экзамены, а также современные технические средства контроля: видеонаблюдение, компьютерная слежка. Поскольку власть обладает диффузным характером, не структурирована, то она не может быть локализована, т. е. обнаружена в определенной пространственной точке. Поэтому она обладает способностью проникать повсюду, в любые социальные институты; провоцировать напряженность и конфликты, и вместе с тем гасить очаги сопротивления.

По сути, появления дисциплинарных пространств обусловлено развитием административного и политического. В самом деле, маркировка, расстановка знаков как не осознаваемый навык или автоматизм, как нормальный порядок вещей прочно укоренился в мире городской жизни: пространство загружены указателями, дорожными знаками и разметками, светофорами и звуковыми сигналами, требующими легитимного и неукоснительного подчинения. Дисциплинарный контроль, обладая искусством распределения индивидов в пространстве, несет с собой целую совокупность техник, корпус методов и знания, которые определяют ценностно-нормативный порядок и предполагают его признание («По газонам не ходить!»).

Ж. Делез обратил внимание на два измерения пространства – силу ограничения и силу противопоставления. Также известно мнение Н. Бурдье относительно того, что причина различий лежит в основе властного использования территорий. По оценке Э. Гидденса, пространственно-временная протяженность напрямую связана с теорией власти, и эта связь делает прозрачными некоторые основные принципы господства как расширяющегося свойства социальных систем [3; 4].

В постструктуралистской теме децентрализации, сконструированной для различных стратегических целей, город занимает центральное место. Осмысливаются проблемы формирования субъективности в контексте локальной повседневной жизни, с ее быстро изменяемой социопропространственной границей, глобальные процессы городского реструктурирования, горизонтальное вза-

имодействие, фрагментация культурного единства, этнические конфликты. Есть много примеров внимания к символическому различию и даже его расширение в моделях городского дизайна. В целом, идея пост-модернистского мультикультурного города укрепляет ощущение различия, которое, в свою очередь, конституирует пересечение многих измерений от классовой и этнической принадлежности до рода, различия полов, возраста и здоровья. При этом ни одно из них не существует как гомогенное пространство или объект. Они пересекаются друг с другом в комплексе, на подвижных, текущих и гетерогенных траекториях.

В поисках методологической стратегии исследования властного механизма в глобальной системе обратимся к направлению, связанному с определением схем социально-философского анализа сетевых структур. Анализируя теорию конфликта в современной макроисторической социологии, Р. Коллинз комментирует аналитическую модель М. Манна, представленную в его работе «Источники социальной власти» [4]. В концептуальной схеме М. Манна представлены четыре измерения власти: внутриполитическое, экономическое/идеологическое, милитаристское и геополитическое. В финансовом отношении они представляют собой конфигурацию материальных ресурсов, то есть каждое является социальной сетью. То, каким образом структурируются эти виды сетей, и представляет собой реальную организацию общественной жизни в определенном пространстве-времени. Социальное изменение обусловлено доминированием той или иной формы власти в разные исторические моменты. Как отмечает М. Манн, распространение властных сетей в ходе истории – это «своеобразная ловушка для человечества, и если имеется возможность бежать географически, то люди спасаются бегством из этой западни» [5]. Но поскольку структуры становятся экономически закрытыми, то избежать определенного характера власти означает найти ресурсы для построения антисети. А это диалектическое означает еще одну форму власти.

Другие теоретические исследования в анализе сетей связаны с установлением условий, причин и следствий взаимодействия разных сетевых структур, определением средств, с помощью которых один тип сети влияет на другой. Так, теория мировых систем И. Валлерстайна в некотором роде отражает влияние геополитической сети на экономическую: гегемония в системе мира обеспечивает возможность центральным государствам экономически богатеть, контролируя периферию. В концепции

М. Кастельса утверждается, что новые экономические формы строятся вокруг глобальных сетевых структур капитала, управления и информации. По мнению Р. Эмерсона, сетевая метафора работает в понимании власти в социальной теории обмена. Р. Коллинз, описывая действие сетевого принципа в четырех областях: геополитической, политической, экономической и культурно-идеологической, отмечает, что конфликт, имеющий автономную динамику, ведет структуры к реорганизации, новым уровням, новым структурам доминирования, к захвату средств организации и самоорганизации, и данные процессы – бесконечны [6, с. 7–31].

Анализ функционирования сетевого механизма указывает на новую интерпретацию властных отношений к пространству, демонстрирует степень зависимости территорий от внешних влияний, от которых они отныне уже не могут быть защищены. Такое развитие сетевых структур стало возможным благодаря соединению цивилизации бизнеса с информационными технологиями. Мир сетей предназначен стать более ощутимым и реальным, чем мир регионов и национальных государств.

Таким образом, теория сетей определяет власть как зависимость от ресурсов: позиции в организационной структуре, обеспечивающие преимущества в ресурсах, обеспечивают и власть.

Современные города вовлечены в иерархию глобальной системы в сетевой структурной власти, и городская жизнь во всем мире, по сути, имеет ту форму, которая в существенной степени определяется местоположением к ней. Образование сетевой структуры связано с рядом широких организационных процессов в политических, экономических, правовых и культурных сферах города. Концепция управления включает в себя шесть концептуализированных категорий: минимальное государство, корпоративное управление, новый публичный менеджмент, управление качеством (ТОМ), социокибернетическая система и самоорганизующиеся сети. Таким образом, очерчены контуры масштабной революции в сфере взаимоотношений государства, публичного управления и общественных структур, которая в проекте должна охватить весь мир.

В настоящее время финансы институтов управляются из хорошо организованных городских центров, и процессы политической централизации имеют географическую окраску. Одной из важных проблем является проблема «места», то есть старый локально-государственно-национальный триумфат всё более явственно соперничает с двумя другими пространственными категориями:

сельско-пригородно-городской и локально-регионально-международной. Устанавливаемый сегодня интернациональный тип организационной структуры осуществляет территориальные ограничения в столкновении за контроль, за возможность осуществлять деятельность определённых видов и владеть определёнными материальными ресурсами. Многие западные исследователи утверждают, что в экономической сети транснациональные корпорации сосредоточены в глобальных центрах, выполняют функцию контроля, а роль суверенных государств сводится к роли «пешек» на «мировой шахматной доске».

Сети формируются центрами активности. Они создаются, расширяются или трансформируются соотносительно происходящим событиям. Будучи на протяжении длительного исторического времени локальными по характеру, они постепенно приобрели общенациональные масштабы, прежде чем стать за последние несколько десятилетий международными по масштабу. Сегодня территориальные границы меняются соответственно мощи их центров. Однако они могут изменяться также в соответствии с мощью социокультурного и экономического воздействия или сопротивления района, на который распространяется сеть. Поэтому сеть можно рассматривать как «неспокойную» среду, где «подвижные» территории сталкиваются с другими территориями или проявляют тенденцию к слиянию с ними. Для нашей страны это особенно актуально в контексте реформы децентрализации власти и создания агломераций на фоне объединённых территориальных громад [7].

Ф. Бродель, отмечая своеобразие развития европейских городов, замечал, что они развивались как автономные миры, перехитрив государство, построенное на территориальном принципе. Города вели собственную экономическую политику, способную всегда сломить преграды, создать и воссоздать себе привилегии и убежище. Ф. Бродель полагал необходимым попытаться создать некую «модель» городского развития на Западе, объясняющую столь уникальное явление. Думается, такая модель представлена в геополитической системе С. Роккана, основная идея его концепции заключена в понятии «пояс городов», который представляет собой сеть автономных городов, конкурирующих в рамках устойчивого равновесия и оградивших себя от власти национальных государств. «Пояс городов» явился ядром и двигателем Западной Европы, определившим ее территориальное деление и структуру.

Сегодня эта модель, на наш взгляд, описана Кьелом Нордстремом. «Мы находимся

в начале самой быстрой урбанизации человечества. Ключевое здесь понятие «в начале». Нам кажется, что всё уже произошло и завертелось, а на самом деле это только старт. Страны умирают как структуры. Через 50 лет вместо 218 стран будет 600 городов. Это произойдет из-за смены системы восприятия информации, развития транспорта и технологий в целом. Связывая между собой существующие системы, мы создаем системы нового порядка» [8].

**Выводы исследования.** Традиционная оппозиция центра и периферии, города и деревни дополняется различием городов на глобальном уровне.

Города не являются независимой единицей, они развиваются под воздействием общих изменений в миросистеме, включённость или исключённость города из глобальной сети городов обуславливает возможности и уровни его развития.

В новых условиях геоэкономики только весьма ограниченное количество городов приобретает транснациональный характер и используется для оказания услуги капиталовложений. Поэтому весьма важно обозначить влияние сети на состояние жизненного пространства города. В общих контурах можно говорить о двух контрастирующих диагоналях.

Жизненное пространство центральных городов, допущенное к ресурсам сети, становится источником социальной активности и процветания, создавая условия для развития различных инфраструктур, человеческих и культурных ресурсов. Здесь важно отметить, что города, принадлежащие к низшим этапам сетевой иерархии, для того чтобы удерживаться на уровне требований, вынуждены изо всех сил бороться за сохранение своих позиций «центральности». Периферийные города, отлученные от сети, отбрасываются в сторону выживания, в зону «нежизненного» пространства. Опознавательные знаки таких полярных отношений со всей очевидностью просматриваются на примере украинских городов: низкий уровень жизни масс, направленность жизненной энергии горожан на решение задачи выживания, угрожающие размеры иммиграции в города Европы.

Все эти факторы ведут к отсутствию общесоциальных целей городского развития. В целом можно подытожить, что жизненное пространство города подчинено, во-первых, инструментальной логике сети и его развитие определяется местоположением в глобализированной среде, во-вторых, городская жизнь конфигурируется в измерениях глобальной экономики, культуры и новых технологий.

## ЛИТЕРАТУРА:

1. Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 450 с.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва : AD MARGINEM, 1990. 480 с.
3. Дьяков А.В. Жиль Делёз. Философия различия. Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. 504 с.
4. Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю.Л. Качанова. Москва : Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. 156 с.
5. Манн Майкл. Источники социальной власти: В 4 т. Т. 1 История власти от истоков до 1760 года н. э. 2018. 760 с.
6. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. / Пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск : Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.
7. Радіонова Л. О. Партисипативна демократія як імператив демократизації політичної системи України. *Україна і світ: політичні процеси у глобальному та регіональному вимірі* : зб. матеріалів Міжнародної наук-практич. конференції / редкол.: С.А. Копилов, С.Г. Вонсович та ін. Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, 2019. С. 159–166.
8. Нордстрем Кьелл: Через 50 лет вместо 218 стран будет 600 городов. URL: <https://hvylya.net/analytics/society/kell-nordstrem-cherez-50-let-vmesto-218-stran-budet-600-gorodov.html>.